

ГЛАВА V.

Г е р а к л и т ь .

Другимъ представителемъ религіозной и философской мысли конца VI в. является Гераклитъ, одинъ изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ мыслителей древности. Онъ жилъ въ Ефесѣ въ эпоху политическаго упадка Іоніи; ея разъединенные города продолжали враждовать и соперничать, несмотря на иноземное иго, которому они подпадали одинъ за другимъ. Да и внутри каждаго изъ нихъ усобица пустила глубокіе корни, и окончательное крушеніе подготовлялось внутреннею борьбою партій.

Гераклитъ былъ именитѣйшимъ ефесскимъ гражданиномъ и, какъ старшій въ родѣ ефесскихъ кодридовъ, имѣлъ права на санъ „царя“ (басилевса), съ которымъ связывались нѣкоторыя уцѣлѣвшія почетныя отличія и богослужебныя функціи,—онъ вѣдалъ таинства елевсинской Деметры (Strabo XIV, 632—633). Повидимому, философъ мало дорожилъ „царствомъ“ такого рода; онъ уступилъ царскую порфиру своему младшему брату и вовсе удалился отъ общественныхъ дѣлъ отчасти изъ отвращенія къ демократіи родного города, отчасти слѣдуя своему философскому призванію. По преданію, онъ жилъ отшельникомъ, изрѣдка появляясь среди согражданъ, возбуждая вниманіе своими странностями и желчными выходками.

Ненависть Гераклита къ демократіи есть черта историческая, оставившая слѣды въ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ его книги. Онъ протестуетъ противъ господства толпы, противъ тиранніи большинства: „для меня одинъ—десять тысячъ, если онъ лучший“ (fr. 49), говоритъ онъ; „законъ—слушаться совѣта одного“ (fr. 33); „ефесянамъ стоило бы перевѣшать у себя всѣхъ совершеннѣйшихъ за то, что они изгнали лучшаго изъ своей среды—Гермодора, говоря: изъ насъ ни единый да не будетъ наилучшимъ, а коли нѣтъ, такъ пусть (будетъ) въ другомъ мѣстѣ и у другихъ“ (121). Но въ аристократизмѣ Гераклита говоритъ не одно личное раздраженіе или сословный предрасудокъ, а убѣжденіе, которое мы находимъ и у многихъ другихъ „лучшихъ“ людей Греціи: онъ убѣжденъ, что власть должна принадлежать по праву немногимъ „лучшимъ“, а не большинству худшихъ: этого требуетъ общее благо и высшая справедливость. *Неравенство* представляется Гераклиту общимъ естественнымъ закономъ, и эгалитарныя стремленія толпы, которая не терпитъ превосходства, являются ему преступными и достойными казни.

Отрицательное отношеніе Гераклита къ толпѣ, та „мизантропія“, о которой говорятъ его біографы, тѣсно связана съ глубокимъ сознаніемъ суетности человѣческой жизни, неразумія ея стремленій, бессмыслія тѣхъ цѣлей, которыя она себѣ ставитъ. Это сознаніе — обратная сторона его философіи, его стремленія къ „мудрости“, къ познанію истиннаго смысла, разума вещей, который правитъ вселенной. Какъ Соломонъ, онъ вѣритъ, что кромѣ этой мудрости все тлѣно, все суетно и преходяще, а люди ставятъ себѣ цѣлью именно тлѣнное и въ жизни ищутъ только чувственныхъ благъ, руководствуясь тѣлесными желаніями или предрасудками. „Родившись, они стремятся жить, чтобы затѣмъ умереть, или, лучше сказать, успокоиться, и оставляютъ дѣтей въ удѣлъ смерти“ (fr. 20). Обычныя стремленія людскія и стремленія философа, который оставляетъ все, чтобы искать „единое мудрое, отъ всего отрѣшенное“, — относятся другъ къ другу какъ временное и вѣчное. Попытка сближенія посредствомъ философской проповѣди могла только показать Гераклиту степень его отчужденія отъ тѣхъ, къ кому онъ обращался. Слышать ли люди вѣчное „слово“ или нѣтъ, они одинаково его не разумѣютъ, даже тамъ, гдѣ они дѣлаютъ неумѣлыя усилія, чтобы его понять; а прочіе сами не знаютъ, что они дѣлаютъ наяву, какъ не помнятъ того, что дѣлали во снѣ (fr. 1). Поэтому ложны всѣ человѣческія сужденія

о добрѣ и злѣ, о правдѣ, о природѣ вещей; ложны ихъ мнѣнія и оцѣнки, которыя опредѣляются ходячими воззрѣніями толпы; ложны ихъ религіозныя вѣрованія, внушенныя суевѣріемъ или розказнями невѣжественныхъ аэдовъ, повторяющихъ Гомера и Гесиода.

Задача философа—въ томъ, чтобы познать истинный смыслъ существующаго и осмыслить собственную жизнь. Въ философіи Гераклитъ видѣлъ откровеніе этого сокровеннаго смысла, и она получаетъ у него глубокое религіозное значеніе. Въ отличіе отъ грубыхъ таинствъ, распространяемыхъ среди народа, съ ихъ непристойными и суевѣрными обрядами, она одна даетъ человѣку истинное посвященіе въ тайну жизни и смерти. Религіозное движеніе VI в. нашло въ Гераклитѣ могучій откликъ. Пантеизмъ орфиковъ, загробныя чаянія, представленія о божественной природѣ нашего духа, о соединеніи съ божествомъ—очищаются въ его философіи, получаютъ въ ней новый смыслъ и оригинальное развитіе. Но, несмотря на религіозный строй своей мысли или, скорѣе, именно благодаря ему, Гераклитъ расходится съ народной вѣрой, протестуетъ противъ формъ народнаго культа, и въ особенности противъ культовъ мистическихъ. Онъ возстаетъ противъ почитанія изображеній и храмовъ, противъ почитанія усопшихъ (fr. 96), противъ кровавыхъ жертвъ, грязью которыхъ люди думаютъ смыть собственную грязь (fr. 5), и онъ грозитъ посмертной карой именно „полуночникамъ, волхвамъ, вакхантамъ, мѣнадамъ, мистамъ... ибо не священно творится посвященіе въ таинства, почитаемыя у людей за таковыя“ (fr. 14).

Гераклитъ, какъ философскій писатель.

Гераклитъ изложилъ свое ученіе въ сочиненіи, которому древніе бібліотекари давали различныя заглавія (*Περὶ φύσεως*, или *Μοῦσαι*, Diog. l. IX, 12). Сочиненіе это, повидимому, дѣлилось на три части, гдѣ философъ высказывалъ свои общефилософскія, политическія и богословскія воззрѣнія. На основаніи уцѣлѣвшихъ фрагментовъ, а также и того несомнѣннаго подражанія Гераклиту, которое мы находимъ въ одномъ изъ трактатовъ, ложно приписываемыхъ Гиппократу (*περὶ διαίτης*), Дильсъ полагаетъ, что сочиненіе Гераклита состояло изъ краткихъ афоризмовъ. Мысль свою Гераклитъ облакалъ въ загадочную, нерѣдко парадоксальную форму. Въ сжатыхъ афоризмахъ онъ любитъ соединять противоположныя, исключаютія другъ друга понятія и образы. Его рѣчь торжественна, сурова, отрывочна и таинственна, какъ изреченія дельфійскаго бога, который „ни сказываетъ, ни утаиваетъ, а указываетъ“ (*στυφαίνει*, fr. 93). Слогъ Гераклита заслужилъ ему прозваніе „темнаго“. Иные думали, что Гераклитъ намѣренно выражался такъ, стремясь сдѣлать свою философію недоступной толпѣ; другіе, какъ Теофрастъ, объясняли особенности Гераклитовой рѣчи душевнымъ аффектомъ, „меланхоліей“ философа. Самъ онъ ссылается на Аполлона или на Сивиллу, которая „неистовыми устами возглашаетъ невеселыя, не разукрашенныя, не примазанныя рѣчи, побуждаемая богомъ“ (fr. 92). И, несмотря на темноту слога, на нѣкоторую изысканную загадочность выраженія, мысль Гераклита, его философское міросозрѣпаніе, его субъективное настроеніе представляются совершенно понят-

ными. Мало того, форма его рѣчи вполне соответствуетъ ея содержанію. Гераклитъ говоритъ какъ прорицатель, возвѣщающій „то словъ“, по которому все творится“, и рѣчь его загадочна и парадоксальна, потому что смыслъ вещей представляется ему величайшей загадкой, и самая истина является ему величайшимъ парадоксомъ, соединяя и совмѣщая въ себѣ противоположности, повидимому, несомвѣстимыя, исключаютія другъ друга. Гераклитъ принадлежитъ къ числу мыслителей, умственная дѣятельность которыхъ носитъ неизгладимую субъективную окраску: необычайная яркость образовъ, отрывочность рѣчи этого „меланхолика“ показываютъ, что мысли, вспыхивавшія въ немъ, переживались имъ какъ событія. И такія мысли естественнѣе укладывались въ форму афоризмовъ, чѣмъ въ форму связнаго философскаго разсужденія. Не даромъ духъ представляется ему въ видѣ пламени, горящаго въ насъ тѣмъ ярче и сильнѣе, чѣмъ интенсивнѣе наша духовная, умственная жизнь, чѣмъ живѣе и свободнѣе ея связь съ огнемъ всемірнаго духа: въ себѣ самомъ Гераклитъ ощущалъ горѣніе этого пламени, и то ученіе о всемірномъ огнѣ, которое связано съ его именемъ, повидимому, имѣло характеръ непосредственной, мистической интуиціи.

Мышленіе Гераклита имѣетъ интуитивный характеръ. Напрасно стали бы мы искать у него слѣдовъ физическихъ или математическихъ изысканій или діалектическихъ разсужденій. Онъ знакомъ съ физикою милетской школы, съ Фалесомъ, Гекатеємъ, Пифагоромъ, Ксенофаномъ; онъ признаетъ, что философъ долженъ быть широко образованнымъ человѣкомъ (fr. 35), но онъ убѣжденъ, что „многоученость ума не научаетъ“: иначе она научила бы его предшественниковъ (fr. 40). Онъ идетъ своимъ путемъ, и тамъ, гдѣ онъ сходится съ предшественниками, онъ влагаетъ новый смыслъ въ тѣ идеи, которыя онъ съ ними раздѣляетъ.

Философія мірового процесса.

Законъ всеобщаго измѣненія.

Первымъ положеніемъ философіи Гераклита является законъ всеобщаго измѣненія или движенія: „все течетъ“ (*πάντα ῥεῖ*), „все движется и ничто не пребываетъ“—таковъ общій законъ всего бывающаго. Все измѣняется во времени. Движется небо; движутся стихіи, поколѣнія живыхъ существъ смѣняются другъ друга. Въ круговоротѣ вселенной нѣтъ ничего неизмѣннаго и неподвижнаго. „Нельзя войти дважды въ одну и ту же струю, нельзя дважды коснуться одного и того же тѣла: наши тѣла текутъ, какъ ручьи“, и вещество обновляется въ нихъ, какъ тотъ воздухъ, которымъ мы дышимъ. Измѣненіе, происхожденіе, уничтоженіе представляютъ собою загадочный переходъ отъ небытія къ бытію и отъ бытія къ небытію: возникаетъ нѣчто, чего не было, или обращается въ ничто нѣчто такое, что было. Въ этомъ переходѣ небытія въ бытіе и обратно заключается парадоксъ, противорѣчіе, непостижимое для человѣческаго разсудка. Сейчасъ же вслѣдъ за Гераклитомъ Парменидъ пытался разрѣшить это противорѣчіе, признавъ абсолютную неизмѣнность истинно сущаго: небытія нѣтъ вовсе, значитъ—нѣтъ и перехода отъ не-

бытія къ бытію. Измѣненіе, происхожденіе, уничтоженіе есть лишь нѣчто кажущееся, призрачное; точно такъ же училъ онъ и относительно движенія. По Гераклиту, наоборотъ, измѣненіе, движеніе именно и есть подлинная форма бытія: нѣтъ ничего безусловно неизмѣннаго и неподвижнаго. Только нашимъ омертвѣлымъ, грубымъ чувствамъ вещи кажутся таковыми, точно такъ же какъ можетъ казаться неподвижнымъ потокъ или пламя огня. На дѣлѣ все возникаетъ и уничтожается: всѣ вещи и сама вселенная слѣдуютъ этому закону. Единство возникновенія и уничтоженія въ процессѣ всеобщаго измѣненія является величайшимъ парадоксомъ: люди не могутъ понять этого „согласованія разногласнаго“, этого соединенія противоположностей: смерть одного есть рожденіе другого и рожденіе одного—смерть другого въ общемъ круговоротѣ вселенной. День и ночь, холодъ и зной, зима и лѣто, голодъ и насыщеніе, болѣзнь и здоровье переходятъ другъ въ друга: „все едино—одно изъ всего и все изъ одного“. Жизнь и смерть, сонъ и бдѣніе, молодость и старость, удовольствіе и страданіе суть состоянія одного и того же существа, которыя переходятъ одно въ другое (fr. 88). И точно такъ же какъ этотъ круговоротъ происходитъ въ единичномъ существѣ и въ ограниченный промежутокъ времени, такъ и въ цѣломъ, вселенной, и въ вѣчности совершается кругъ, въ которомъ „конецъ сходится съ началомъ“. Въ единствѣ всеобщаго теченія все составляется и разлагается, приходитъ и уходитъ, возникаетъ и уничтожается. Богъ смерти, Аидъ, и богъ жизни, Діонисъ, — одинъ и тотъ же богъ (fr. 15). „Богъ есть день, ночь, зима, лѣто, война, миръ, изобиліе и голодъ. И онъ видоизмѣняется, подобно огню, когда онъ смѣшивается съ куреніями, и всякій даетъ ему названіе по своему желанію“ (fr. 67).

Такимъ образомъ одно и то же божественное начало видоизмѣняется во всѣхъ формахъ бытія. Мы зовемъ его различными названіями, смотря по тому, въ какихъ формахъ мы его воспринимаемъ, но въ дѣйствительности оно одно во всѣхъ нихъ, едино въ самыхъ противоположностяхъ. Этого мало: всеединство дѣятельно осуществляется именно въ вѣчномъ процессѣ измѣненія и движенія, въ которомъ, какъ у Анаксимандра, уничтожается всякое обособленіе или раздѣленіе. Сравненіе съ огнемъ, который мѣняетъ свой видъ, смѣшиваясь съ дымомъ жертвеннаго куренія (θύωμα), здѣсь не случайно: то всеединое начало, изъ котораго все возникаетъ, которое все движетъ, все измѣняетъ и „на все мѣняется“, все превращаетъ и во все обращается, опредѣляется Гераклитомъ какъ „вѣчно-живой“ *огонь*—дѣятельная, божественная стихія. Оригинальная особенность Гераклита состоитъ въ томъ, что онъ мыслить *сущее какъ процессъ* и не можетъ представить себѣ дѣйствительнаго бытія иначе, какъ въ формѣ *быванія* (γένεσις, Werden). Огонь не есть качественно неизмѣнная стихія, подобная стихіямъ другихъ физиковъ: „всѣ вещи *мѣняются* на огонь, и огонь *мѣняется* на всѣ вещи, какъ товары на золото и золото на товары“ (fr. 90). Огонь, какъ видимая форма *процесса горѣнія*, является наиболѣе подходящимъ опредѣленіемъ для стихіи, которая понимается какъ вѣчный процессъ. Вещи, формы сущаго, возникаютъ и разсѣиваются какъ клубы курящагося дыма; пребываетъ лишь огонь, „мѣрами воспламеняющійся и мѣрами угасающій“ (fr. 30).

Соотносительность противоположностей. Борьба и гармонія.

Всякій процессъ есть переходъ отъ одного состоянія или положенія къ другому. Безъ различающихся, противопологающихся другъ другу состояній не было бы перехода между ними, не было бы и процесса. Поэтому міровой процессъ въ одно и то же время полагаетъ противоположности и соединяетъ ихъ, переходя отъ одной къ другой въ ритмѣ вѣчнаго круговорота: всякая опредѣленная конкретная форма бытія, обособляясь отъ прочихъ, противопологается прочимъ; но всѣ противоположности *соотносительны другъ другу*,— одна предполагаетъ другую, уравниваетъ другую. Этой соотносительностью и объясняется „скрытая гармонія“ (fr. 54) въ видимой розни противоположныхъ силъ и стремленій; ея объясняется то самовозстановляющееся, „возвращающееся согласіе“, которое обусловливается напряженіемъ взаимно уравнивающихъ другъ друга противоположныхъ силъ: такъ, два конца натянутого лука въ своемъ расходящемся стремленіи производятъ согласное дѣйствіе (καλίτροπος ἀρμονίη ὀκωσπερ τὲξο καὶ λύρης, fr. 51).

Такимъ образомъ законъ всеобщаго взаимнаго противоположенія или борьбы обусловливаетъ какъ обособленіе вещей, такъ и гармонію цѣлаго, которая осуществляется въ вѣчномъ движеніи. Все рождается борьбою, все разрушается ею же, всѣ вещи обособляются и примиряются общему *рознью*, поскольку гармонія цѣлаго предполагаетъ взаимно уравнивающимся стремленія противоположныхъ силъ. „Должно знать, что война есть общее (ἐξυβν = κοινόν, общій законъ, ср. fr. 2: δεῖ εἶπεσθαι τῷ ἐξυβῶ), и что справедливость есть раздоръ, и что все возникаетъ и уничтожается въ силу раздора“ (fr. 80). „Расходящееся сходится, и прекраснѣйшее согласіе возникаетъ изъ противоположностей, и все происходитъ въ силу раздора“ (fr. 8). Какъ строй человѣческаго общества, такъ и строй вселенной имѣетъ свое начало въ войнѣ: „война—отецъ всего, царь всего; однихъ оказала богами, другихъ—людьми; однихъ сдѣлала рабами, а другихъ свободными“ (fr. 53).

Таковъ общій законъ сущаго: безъ борьбы, безъ противоположностей нечему соглашаться или соединяться, какъ безъ различія тоновъ нѣтъ гармоніи. То „единое“, изъ котораго все происходитъ, заключаетъ въ себѣ внутреннее основаніе для видимаго различія и раздѣленія вещей: „соединяются цѣлое и не-цѣлое, сходящееся и противоположное, согласное и несогласное,—и изъ всего одно и изъ одного все“ (fr. 10). Гераклитъ порицаетъ Гомера, сказавшаго „да исчезнетъ раздоръ изъ среды боговъ и людей“: Гомеръ не понимаетъ, что онъ молить о разрушеніи міра, ибо, если бы молитва его была услышана, всѣ вещи уничтожились бы (Diels, Fr. § 12 A 22), всякія различія исчезли бы, все множество погрузилось бы въ одинъ пламень вѣчнаго огня. Раздоръ и борьба могутъ казаться нежелательными отдѣльнымъ существамъ съ ихъ относительной точки зрѣнія. Для Бога, который опредѣляется какъ „война и миръ“, наши человѣческія понятія о добрѣ и злѣ, о справедливости или несправедливости не имѣютъ силы. „У Бога все хорошо и добро и справедливо, а люди сочли одно несправедливымъ, а другое спра-

ведливимъ“ (fr. 102) ¹⁾. Пусть люди не понимаютъ, какимъ образомъ „расходящееся сходится и противоположное соединяется“,—въ этомъ и состоитъ загадка вселенной. Но эта загадка имѣетъ свою отгадку, свое „Слово“ или разумный смыслъ, безъ котораго вселенная не могла бы существовать.

Неизмѣнный законъ вселенной. Логосъ.

Въ всеобщемъ потокѣ явленій рождаются и проходятъ единичныя формы, но общія отношенія остаются неизмѣнными; „все течетъ“, все мѣняется, но строй цѣлаго остается неизмѣннымъ. Въ движеніи свѣтилъ, въ смѣнѣ дня и ночи и время года, въ смѣнѣ жизни и смерти,—словомъ, въ общемъ круговоротѣ бытія есть закономѣрная правильность, есть *μῦρα*, есть законъ, есть „разсужденіе“, или слово, которое „пребываетъ всегда“.

„Единое“ Гераклита, то единое, къ которому сводится „все“, опредѣляется какъ „мудрое“ (τὸ σοφόν), и высшая человѣческая мудрость состоитъ въ томъ, „чтобы познать разумную мысль (γνώμη), могущую править всѣмъ черезъ все“ (fr. 41). Этотъ міроправящій разумъ иногда получаетъ у Гераклита специальное наименованіе, прибрѣтшее въ послѣдствіи въ позднѣйшей греческой философіи величайшее значеніе: онъ называетъ его *λογος* или Слово ²⁾.

Все въ мірѣ творится по этому слову, правящему всѣмъ (fr. 1 и 72). Оно есть всеобщій законъ всѣхъ вещей, котораго люди не разумѣютъ, хотя постоянно съ нимъ сталкиваются. Ему должны слѣдовать мудрые, изъ него всѣ человѣческіе законы черпаютъ свою силу (fr. 114).

„Истинное слово“ убѣждаетъ насъ, что все едино, и что это „единое“ разумно и божественно. Орфики называли свое всеединое божество Зевсомъ и въ своемъ пантеизмѣ подходили довольно близко къ идеѣ о соединеніи противоположностей. Гераклитъ, какъ бы въ отличіе отъ нихъ, утверждаетъ, что „единое мудрое одно; оно и не хочетъ и хочетъ называться именемъ Зевса“ (fr. 32): оно не допускаетъ этого имени, поскольку оно отлично отъ Зевса мифологіи или народной религіи; и оно допускаетъ его, поскольку Ζην

¹⁾ Дильсъ и Вуатер извлекаютъ этотъ фрагментъ изъ схолій къ Ил. IV 4 (I, 69, 6 Schr.); повидимому, однако Ps. Hippocr. περί διαίτης, I, 11, ближе къ Гераклиту.

²⁾ Трудно передать этотъ греческій терминъ, буквально означающій „слово“, однимъ равнозначимымъ русскимъ выраженіемъ: ближе другихъ „разсужденіе“, какъ въ смыслѣ „рѣчь“, „слово о чемъ-нибудь“ (fr. 39, 87, 108), такъ и въ смыслѣ „разумъ“ (fr. 115 и 2, ср. fr. 113, ξυνόν ἐστι πῶσι τὸ φρονεῖν), и въ смыслѣ „отношеніе“ („въ разсужденія“—въ отношеніи fr. 4 а и 31). Нѣкоторые ученые, какъ Schuster (Heraklit von Ephesus, 1873, 17) или Burnet (Early Greek Philosophy, 133, 13), признаютъ *λογος* лишь въ смыслѣ „рѣчь“ (argument, discourse etc.); но это едва ли возможно, какъ въ виду fr. 2 (гдѣ λόγος ξυγός противопологается ἰδίᾳ φρονίσει), такъ и въ виду fr. 115, если только его можно приписать Гераклиту. Fr. 1—λόγος τοῦδ' ἕνους αἰεῖ—можетъ означать „хотя разсужденіе это истинно всегда“... (Burnet, I. c.). Противоположнаго мнѣнія держится Целлеръ, I, 668, 2; Tappery, I. c. 171; A. Aal, Gesch. der Logosidee, 1896, I, 28—40; Diels, I. c., и др. Во всякомъ случаѣ самое понятіе всеобщаго разумнаго закона, мысли или „единой мудрости“ у Гераклита имѣется, и хотя терминологія его сбивчива, есть полное основаніе думать, что самый терминъ *λογος* для обозначенія міроправящаго разумнаго начала былъ заимствованъ стоиками у Гераклита, а не приписанъ ему ими.

(поэт. Зевсъ) значить „жизнь“ (ζῆν): божество, божественное всеединство есть *жизнь* съ точки зрѣнія Гераклита ¹⁾. Далѣе, мы находимъ у него положеніе, гдѣ онъ еще рѣшительнѣе указываетъ свое отличіе отъ всѣхъ прелшественниковъ — милетскихъ физиковъ, орфиковъ, Ксенофана: „чьихъ словъ я ни слыхалъ, никто не дошелъ до того, чтобы познать, что мудрое есть отъ всего отрѣшенное“ (ἔτι τοφόν ἐστι πύτων κευρωζμένον, fr. 108). Такимъ образомъ божественный разумъ или божество признается здѣсь не только какъ *всеединное*, но и какъ *отрѣшенное* отъ всего; оно, стало быть, и *едино* со всѣмъ, и вмѣстѣ *отрѣшено* отъ всего, и *тождественно* съ цѣлымъ вселенной и *отлично* отъ нея, — „имманентно“ и вмѣстѣ „трансцендентно“, какъ сказалъ бы современный философъ. Какъ соединяются эти противоположныя опредѣленія въ умѣ Гераклита, мы въ точности не знаемъ. Вопросъ уясняется однако, если разсмотрѣть, какъ философъ представлялъ себѣ отношеніе всеединаго разумнаго начала къ *природѣ* и къ *человѣку*.

Физика Гераклита.

Круговоротъ вещества.

Физика Гераклита или то, что можно назвать этимъ именемъ, не представляетъ научнаго интереса, каковой имѣли равнія попытки милетскихъ ученыхъ, или Пиеагора. Это только иллюстрація его ученія о всеединствѣ сущаго въ вѣчномъ круговоротѣ бытія. Какъ мы уже видѣли, въ отличіе отъ другихъ физиковъ, признающихъ свои стихія качественно неизмѣнными элементами мірозданія, Гераклитъ учитъ, что его огонь измѣняется качественно (ἀλλοιοῦται), „обмѣнивается“ на вещи, „какъ золото на товары“ (fr. 90), при чемъ эти вещи являются какъ бы его эквивалентами. Огонь, угасая, обращается въ воду и черезъ нее въ землю, чтобы затѣмъ, воспламеняясь, переходить изъ земли въ воду, испареніе и огонь: „этотъ строй, одинъ и тотъ же для всѣхъ вещей, не создалъ никто изъ боговъ или людей, но былъ всегда и есть и будетъ вѣчно-живой огонь, воспламеняющійся опредѣленными мѣрами (μέτρα) и угасающій опредѣленными мѣрами“ (fr. 30). Во всеобщемъ потокѣ, во всеобщемъ измѣненіи остается неизмѣннымъ лишь этотъ „строй“, это непрестанное чередованіе, или смѣна, въ которой „вѣчно-живой“ огонь переходитъ отъ себя къ своей противоположности (посредствомъ угасанія) и возвращается отъ нея къ себѣ (посредствомъ воспламененія). Колебаніе между воспламененіемъ и угасаніемъ совершается въ насъ самихъ каждое мгновеніе въ процессѣ дыханія, которымъ поддерживается въ насъ жизненный огонь; въ природѣ оно совершается каждая сутки—въ смѣнѣ дня и ночи и каждый годъ—въ смѣнѣ лѣта и зимы, которую Гераклитъ объяснилъ чередованіемъ свѣтлыхъ и огненныхъ испареній съ темными и холодными. Свѣтлыя испаренія образуютъ „день“, который воспламеняется въ солнцѣ; и когда онъ догораеть,

¹⁾ Fr. 32: Ἐν τῷ σοφόν μόνον λέγεσθαι οὐκ ἐθέλει καὶ ἐθέλει Ζηρός ὄνομα. Gomperz, Zu Heraklit's Lehre (1887), предлагаетъ соединить этотъ фрагментъ съ fr. 41 (Вуш. 19), который онъ вставляетъ между словами μόνον и λέγεσθαι.

поднимаются темныя испаренія, образующія „ночь“. Борьбою между днемъ и ночью обусловливается и смѣна лѣта и зимы. И въ этой смѣнѣ есть строгая закономѣрность—огонь „мѣрами“ воспламеняется и „мѣрами“ угасаетъ.

Путь внизъ и путь вверхъ.

Угасая, огонь выдѣляетъ изъ себя воду; вода образуетъ море, которое Гераклитъ называлъ *спермою* міра; изъ моря или вообще изъ воды осаживается суша,—таковъ „путь книзу“, отъ небснаго огня къ землѣ: ему соотвѣтствуетъ обратный „путь вверхъ“: земля разжижается въ воду (подземныя ключи, болота представляются такими превращеніями), вода поднимается къ небу въ видѣ смерчей или въ видѣ испареній, частью которыхъ питаются свѣтила небсныя,—тамъ они обращаются въ огонь. И опять—таки въ этомъ круговоротѣ стихій сохраняются постоянными лишь опредѣленные *мѣры*, т.-е. пропорціи между ними: количества земли, воды, чистаго огня,—остаются неизмѣнными; вода получаетъ столько же влаги изъ земли и огня, сколько она теряетъ ея на образованіе огня и земли; если въ круговоротѣ стихій и есть колебанія, какъ въ смѣнѣ дня и ночи, то самыя эти колебанія имѣютъ ритмическій характеръ и не нарушаютъ всемірной системы подвижнаго равновѣсія. Это-то и есть гармонія противоположностей.

Небсныя явленія.

За предѣлами неба находится чистый огонь, а свѣтила небсныя суть прикрѣпленные къ небу полые сосуды, обращенные отверстиями къ землѣ; въ этихъ-то сосудахъ собираются свѣтлыя блестящія облака, которыя воспламеняются при восходѣ и угасаютъ при закатѣ. Такимъ образомъ, слѣдуя общему закону, и самое солнце ежедневно обновляется (fr. 6); и оно „мѣрами“ воспламеняется и „мѣрами“ угасаетъ, и если бы оно преступило эти положенныя ему „мѣры“,—божественное правосудіе (Дике) настигло бы его (fr. 94). Чистыя, свѣтлыя испаренія обращаются въ огонь, огонь, угасая, обращается въ воду, а вода—частью въ землю, частью въ „огневицу“ ¹⁾, *πρῆστῆρ*, или *воздухъ* (fr. 31).

Но мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой космологіи. Отмѣтимъ только, что и здѣсь, несмотря на строгій монизмъ, отводится мѣсто дуализму: огонь есть и *цѣлое*, какъ единая общая стихія, и *нецѣлое*, т.-е. *часть* цѣлаго, какъ небсный, пламенѣющій огонь, которому противопоставляется огонь угасшій—вода, пассивная, холодная стихія, принципъ матеріальнаго міра.

¹⁾ *Πρῆστῆρ*—буквально—моконья, или жгучій вихрь; Сенека (Quaest. Nat. II, 56) передаетъ *igneus turbo*, Дильсъ — *Glutwind*, или „смерчъ съ электрическимъ разряженіемъ“ (!), Бернетъ — „ураганъ, сопровождаемый смерчемъ“ (153). Важно, что огонь обращается непосредственно въ *воду*, а не въ *воздухъ*, несмотря на ошибочное толкованіе Климента Strom. IV, 101, p. 712, Potter, ср. Diog. L. IX, 9, который черпаетъ изъ достовѣрнаго источника—Феофраста. Огонь *угасаетъ* въ воду, вода *высыхаетъ* частью въ *землю*, частью въ *огневицу* *πρῆστῆρ*, или въ *воздухъ*, земля частью вновь растворяется въ воду, частью выдѣляетъ тѣ свѣтлыя испаренія, которыя таютъ въ солнечныхъ лучахъ—которыми питается солнце. „Воздухомъ“, какъ уже сказано, называется туманъ; естественно, такой туманъ рождается изъ воды (какъ испареніе) или земли, а не изъ огня (76).

Вопросъ о воспламененіи вселенной.

Признавалъ ли Гераклитъ періодическое возникновение вселенной изъ огня и конечное возвращеніе ея въ огонь, или же „строй“ вселенной представлялся ему вѣчнымъ? Стойки, а по ихъ слѣдамъ и другіе свидѣтели приписываютъ Гераклиту ученіе о всеобщемъ „воспламененіи“ всего міра по истеченіи „мірового года“ (по Гераклиту — 10.800 лѣтъ), послѣ чего наступаетъ новый періодъ мірообразования, такъ что и здѣсь имѣеть мѣсто періодическое воспламененіе и угасаніе. Разбирая всѣ относящіяся къ этому ученію фрагменты и свидѣтельства древнихъ, нѣкоторые ученые, какъ Шлейермахеръ, Лассаль и Бернетъ доказываютъ, что философъ разумѣлъ не единовременное воспламененіе всего міра, а послѣдовательное возвращеніе въ огонь всѣхъ вещей въ отдѣльности при неизмѣнномъ для всѣхъ нихъ общемъ „строѣ“, или міровомъ порядкѣ (fr. 30): огонь мѣрами воспламеняется и мѣрами гаснетъ, и эти мѣры непреложны для всѣхъ стихій. Другіе ученые, какъ Дильсъ, Целлеръ, Виндельбандъ, держатся противоположнаго мнѣнія: важно уже единогласное свидѣтельство стоиковъ, да и Аристотель, повидимому, сближалъ ученіе Гераклита съ ученіемъ Эмпедокла о періодическомъ разрушеніи и возстановленіи міра (de coelo I, 10, 279 b 12), хотя, съ точки зрѣнія Гераклита, такое разрушеніе и возстановленіе совершается постоянно.

Конечное „воспламененіе“, предстоящее всѣмъ вещамъ, изображается какъ судъ надъ ними, „ибо огонь, пришедши, все будетъ судить и осудить“ (fr. 66),— слова, которыя и Целлеръ и Дильсъ понимаютъ вмѣстѣ съ Ипполитомъ въ смыслѣ общаго воспламененія. Во всякомъ случаѣ Гераклитъ высказываетъ мысль, близкую къ ученію Анаксимандра: конечное воспламененіе по отношенію къ каждому индивидуальному существованію является казнью, судомъ и осужденіемъ всякаго обособленія и раздѣленія.

Антропология Гераклита.

Если божество раскрывается въ своемъ единствѣ въ конечномъ воспламененіи вещей, то оно остается единымъ и тамъ, гдѣ оно скрыто видимымъ разнообразіемъ вселенной, какъ огонь — облаками ниміама. Божественный огонь горитъ въ небѣ въ сіяніи дня, въ блескѣ свѣтилъ, но онъ незримо проникаетъ все, все движетъ и оживляетъ. Онъ горитъ и въ насъ, будучи источникомъ нашей жизни и разума.

Д у ш а.

Аристотель свидѣтельствуетъ о томъ, что Гераклитъ признавалъ душу „тѣмъ испареніемъ, изъ котораго онъ слагаетъ всѣ вещи“, т. е. огненнымъ испареніемъ, или огнемъ. Человѣкъ состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, что вселенная: въ немъ есть огонь, вода и земля, и въ немъ совершается тотъ же круговоротъ, что во вселенной: огонь становится водой и вода землей, и наоборотъ, или, какъ говоритъ философъ, „душамъ смерть становится водою, водѣ смерть становится землею. Изъ земли же происходитъ вода, а изъ воды—

душа“ (fr. 36), т.-е. то „сухое“, горячее испарение, которое горит и свѣтится въ насъ и питаетъ собою нашу душевную жизнь, какъ оно питаетъ собою солнце и звѣзды. И точно такъ же, какъ во вселенной, въ человѣкѣ происходитъ колебаніе между воспламененіемъ и угасаніемъ, чередованіе сухихъ и влажныхъ испареній, которымъ объясняются смѣны сна и бдѣнія, здоровья и болѣзни, жизни и смерти. Тѣ „испаренія“, которыми питается наша душа, извлекаются нами не только изъ тѣла, но, главнымъ образомъ, изъ окружающей атмосферы, посредствомъ дыханія ¹⁾: такимъ образомъ поддерживается связь нашей души съ душою, разлитою въ цѣломъ, „изъ которой составляются всѣ вещи“. Источникъ всемірной жизни—одинъ, и органическою связью съ нимъ объясняется разумность единичнаго духа: „границъ души не найдешь, хотя бы исходивши всѣ дороги,—столь глубокой въ ней разумъ“ (смысль—*λόγος*, fr. 45); границы индивидуальной души теряются въ общемъ разумномъ началѣ,—психологія переходитъ въ космологію и теологію.

Единеніе нашей души съ всемірнымъ разумнымъ началомъ имѣетъ психо-физическую основу. Ночью, когда холодныя темныя испаренія берутъ верхъ надъ свѣтлыми, и день угасаетъ въ небѣ, меркнетъ и нашъ внутренний огонь: мы засыпаемъ, тѣло наше становится неподвижнымъ, и связь наша съ внѣшнимъ міромъ поддерживается лишь дыханіемъ, такъ какъ чувства наши закрываются для внѣшнихъ воспріятій. Мы теряемъ сознание общей для всѣхъ дѣйствительности и погружаемся въ міръ сновидѣній: для бодрствующаго — одинъ свѣтъ и одинъ міръ, общій для всѣхъ, спящій погружается въ свой собственный міръ (fr. 89). Ночью каждый зажигаетъ себѣ свой собственный свѣточъ (fr. 26). Впрочемъ, люди и наяву живутъ какъ во снѣ: хотя истинное слово едино и всеобще, они живутъ какъ бы имѣя каждый свое собственное разумѣніе (fr. 1 и 2).

Мораль Гераклита.

Съ психологіей Гераклита связано и его нравственное ученіе, которое, повидимому, какъ и его физика, пользовалось сочувствіемъ стоиковъ. „Душѣ смерть—становится водою“: перевѣсъ грубо-матеріальнаго начала въ человеческой жизни есть ослабленіе тонкаго, духовнаго начала, его частичная смерть. Если такое ослабленіе представляется нормальнымъ во снѣ, который наступаетъ періодически, смѣняясь бдѣніемъ, то, повидимому, философъ считалъ *плотское наслажденіе* смертельною опасностью для души: оно угашаетъ духъ, дѣлаетъ его „влажнымъ“ (fr. 77), какъ мы видимъ это у пьянаго, который теряетъ сознание (fr. 117). Трудно бороться противъ сердечнаго желанія, потому что сердце наше покупаетъ то, чего оно желаетъ, цѣною души (fr. 85), т.-е. цѣною огня, заключающагося въ ней. „Сухая душа есть мудрѣйшая и лучшая“ (fr. 118), т.-е. лучшая душа есть наиболѣе чистая, свободная отъ грубо-тѣлесныхъ, матеріальныхъ примѣсей. Но въ жизни смертныхъ людей такая примѣсь неизбежна, и грубо матеріальное начало стѣсняетъ душу, затемняетъ ее періодически. Плотская жизнь совершается на счетъ души и душевная

¹⁾ См. *Sext. adv. math.* VII, 128—130—несмотря на примѣсь позднѣйшихъ идей и позднѣйшую терминологию. Ср. *Aet.* IV, 3, 12 (Dox.).

жизнь на счет плотской, или, какъ говорить Гераклитъ, „мы живемъ ихъ смертью (смертью нашихъ душъ) и онѣ живутъ нашею смертью“ (fr. 77). Отсюда философъ признаетъ не только относительность всѣхъ человѣческихъ сужденій о добрѣ и злѣ, но и ихъ ложность: философія ведетъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей. Если наслажденіе есть смерть душъ, то не есть ли страданіе—ея врачеваніе? Не направлены ли желанія, похоти нашего сердца на то, что губительно для нашей души? Чтобы не слѣдовать этимъ неразумнымъ желаніямъ, чтобы возвыситься надъ погоней за наслажденіями, которыя всѣ относительны и обуславливаются предшествующимъ страданіемъ (fr. 111), надо жить согласно разуму, согласно истинной природѣ вещей или „поступать по природѣ“ (112)—правило согласное съ основнымъ положеніемъ стоической морали ¹⁾. „Разсуждающіе разумно (ἐὺν νόμῳ), должны утверждаться этимъ общимъ всѣмъ разумомъ (τῷ ἐκκομῆ πάντων, ср. fr. 113 и 2), какъ государство закономъ и даже еще крѣпче. Ибо всѣ человѣческіе законы питаются единымъ божественнымъ. Ибо онъ господствуетъ, насколько онъ хочетъ, всему довлѣетъ и превосходитъ“ (114). „Должно слѣдовать общему... но хотя это слово и всеобще, люди живутъ, какъ бы имѣя свое разумѣніе“ (fr. 2). Поэтому-то они уподобляются спящимъ, которымъ грезятся сны вмѣсто дѣйствительности, и которые не сознаютъ сами, что они дѣлаютъ (fr. 1). Цѣль философа — преуспѣвать въ познаніи „мудрости“, „сушаго (истиннаго) Слова“. „Мыслить есть высшая доблесть, и премудрость въ томъ, чтобы говорить истину и поступать по природѣ, внимая ей“. „Мышленіе обще всѣмъ“ (fr. 113), и въ душѣ нашей есть „слово, само себя умножающее“ (115),—есть разумъ, способный возрастать въ познаніи и мудрости.

Таковы положительныя основанія нравственнаго ученія Гераклита, которыми опредѣляется и его обличительная проповѣдь, направленная противъ суетности и безумія человѣчества. Слышать ли люди истинное слово или нѣтъ, они одинаково его не разумѣютъ и, подобно животнымъ, не умѣютъ различать истинно-цѣннаго отъ того, что тѣшитъ ихъ плоть. Вмѣсто того, чтобы „слѣдовать общему“, они создаютъ себѣ свои установленія и законы, противные природѣ. Вмѣсто того, чтобы говорить истину и искать мудрости, они лгутъ и повторяютъ лживыя басни.

Отношеніе къ религіи.

Осуждая весь нравственный строй современнаго ему общества и его политическую жизнь ²⁾, Гераклитъ, какъ мы видѣли, высказывается и противъ господствующихъ религіозныхъ установленій съ не меньшею рѣзкостью, чѣмъ Ксенофанъ: сюда относятся не только обычныя формы богопочитанія, но и

1) Fr. 112—*κοινὸν κατὰ φύσιν*—если и не подлинное выраженіе Гераклита, то все же вѣрно передаетъ его основную мысль, выраженную и въ fr. 2, и 114.

2) Изъ фр. 53 о войнѣ какъ отдѣ и законномъ царѣ, дѣлающемъ однихъ свободными, а другихъ рабами, можно было бы заключить, что Гераклитъ считалъ нормальнымъ подчиненіе Ефеса персидскому владычеству (ср. фр. 33); но было бы поспѣшнымъ строить подобныя догадки на основаніи столь недостаточныхъ данныхъ. Преданіе о сношеніяхъ Дарія съ Гераклитомъ оставило слѣды въ (подложныхъ) письмахъ Гераклита и персидскаго царя.

мистическіе, оргіастическіе культы всякаго рода мистиковъ и вакхантовъ, къ числу которыхъ въ эпоху Гераклита, несомнѣнно, принадлежали и орфики. Однако самъ Гераклитъ является однимъ изъ важнѣйшихъ представителей религіознаго движенія своего вѣка. И хотя его мистицизмъ носитъ умозрительный характеръ, онъ не теряетъ положительной религіозной почвы. Его божество „и хочетъ, и не хочетъ называться Зевсомъ“; но, несмотря на свой пантеизмъ, на свою вѣру въ единство божественнаго, онъ видимо раздѣляетъ вѣру Фалеса о томъ, что все полно боговъ, демоновъ и душъ. Подобно другимъ греческимъ философамъ, онъ вѣритъ въ мантику—въ проявленіе божественнаго разума черезъ посредство человѣка; онъ вѣритъ въ „владыку, оракуль котораго находится въ Дельфахъ“, вѣритъ въ существованіе боговъ и героев и въ загробную жизнь. Здѣсь онъ ближе всего подходитъ къ другимъ мистикамъ того времени и въ частности къ орфикамъ. Въ смерти онъ видитъ рожденіе души для новой высшей жизни, а въ воплощеніи—ея смерть, или состояніе, близкое къ смерти; онъ изображаетъ смерть, какъ таинство, въ которомъ посвященный переходитъ отъ мрака къ свѣту, очищаясь отъ нечистоты (fr. 63). Этому мало, онъ признаетъ, что загробная судьба успшихъ различна, смотря по ихъ заслугамъ, по образу ихъ смерти (fr. 24—25), что есть мертвые, которые, по выраженію Гесіода, получаютъ царственный жребій, встаютъ передъ богомъ и сами становятся „хранителями“ смертныхъ. Какимъ образомъ представлялъ себѣ Гераклитъ существованіе своихъ огненныхъ душъ независимо отъ тѣла,—мы не знаемъ; въ одномъ изъ фрагментовъ (98) онъ надѣляетъ ихъ посмертнымъ обоняніемъ—„души обоняютъ въ Аидѣ“,—что можетъ значить, что онѣ и тамъ питаются испареніями. Въ отличіе отъ орфиковъ и пифагорейцевъ Гераклитъ ничего не говоритъ о душепереселеніи и о загробныхъ мытарствахъ и рѣшительно высказывается противъ мистическаго культа въ качествѣ средства искупленія. Такимъ средствомъ является ему не суевѣріе, а философія и праведная жизнь, посвященная ею.

Судьба ученія Гераклита и его оцѣнка.

Философія Гераклита быстро распространилась и стала извѣстной мыслящимъ грекамъ. Не болѣе, какъ черезъ 20 лѣтъ по написаніи Гераклитомъ его книги, Парменидъ полемизируетъ противъ нея на противоположной окраинѣ греческаго міра, а вскорѣ затѣмъ Эпихармъ въ Сициліи потѣшается надъ ученіемъ о всеобщемъ измѣненіи вещей. Вліяніе Гераклита въ древности было весьма велико. Стоическая школа, возникшая въ концѣ IV в., перерабатываетъ его философію, и въ умственномъ ростѣ Платона Гераклитъ имѣлъ важное значеніе: первымъ учителемъ Платона былъ послѣдователь Гераклита Кратиль.

Помимо умозрительнаго монизма, позднѣйшіе философы, какъ Гегель,

Ср. J. Bernays, Die heraclitischen Briefe (1869), 13. Ср. Clem. Strom. I, 65, p. 354, гдѣ говорится о томъ, что Гераклитъ не *послѣдовалъ* предложенію Дарія, звавшаго его къ себѣ, очевидно, не въ качествѣ философа, а въ качествѣ противника господствовавшей въ Ефесѣ демократической партіи.

нерѣдко искали у Гераклита идею единства противоположностей въ абсолютномъ, или идею *абсолютнаго, какъ процесса*. Эти идеи, выраженыя въ чувственныхъ матеріальныхъ образахъ, трудно однако передать въ ихъ первоначальномъ смыслѣ въ отвлеченныхъ терминахъ позднѣйшей философіи. „Абсолютное“ Гераклита есть огонь—вещественная стихія, которую съ точки зрѣнія современной мысли „абсолютнымъ“ назвать нельзя. Конкретность мышления Гераклита, который оперируетъ съ *образами* скорѣе, чѣмъ съ понятіями, затрудняетъ и задачу критика, который неизбежно стремится свести эти образы къ понятіямъ. И древніе, и новые критики отмѣчаютъ, что Гераклитъ сводитъ *бытіе* къ *быванію*, что онъ представляетъ себѣ абсолютное *сущее какъ процессъ*. Исключительно взятая, такая концепція сущаго, очевидно, является односторонней. Если „все течетъ и ничто не пребываетъ“, то нѣтъ ничего тождественнаго: „все есть и не есть“, а съ такой точки зрѣнія легко прійти къ отрицанію закона тождества ($A = A$); все истинно и ложно заразъ, никакое познаніе не возможно, ни о чемъ нельзя утверждать ничего, такъ какъ все измѣняется. Такіе выводы дѣлаетъ Аристотель, критикуя Гераклита; къ подобнымъ же выводамъ приходили изъ посылокъ Гераклита иные софисты, а также и скептики. Къ числу послѣднихъ можно причислить и вышеупомянутаго учителя Платона, Кратила, который утверждалъ, что не только дважды нельзя войти въ одинъ и тотъ же потокъ, но и однажды. По словамъ Аристотеля, Кратиль для выраженія своего крайняго скептицизма уже не говорилъ, а только двигалъ пальцемъ, знаменуя вѣчное движеніе. Очевидно, преподаваніе его не ограничивалось этимъ приѣмомъ нагляднаго обученія.

Можно возражать противъ передачи Гераклитовой философіи языкомъ отвлеченныхъ понятій; она искажается въ прокрустовомъ ложѣ современной философской терминологіи. Но, въ общемъ, та характеристика, которую ей даютъ со дней Платона и Аристотеля, представляется правильной, а слѣдовательно, эта „философія огня“ дѣйствительно является выраженіемъ односторонней концепціи Сущаго. Поэтому насъ не должно удивлять, что на другой окраинѣ греческаго міра развилось другое, діаметрально противоположное ученіе.
